
РАКУРСЫ

П.В. ПАНОВ*

**«УСТУПАТЬ НЕЛЬЗЯ ПОДАВЛЯТЬ»:
ВЫБОР ГОСУДАРСТВОМ ПОЛИТИКИ
В УСЛОВИЯХ УГРОЗЫ СЕЦЕССИИ¹**

Аннотация. Когда кросстерриториальная гетерогенность, свойственная современным государствам, приобретает политическое значение, это порождает политико-территориальные конфликты, движения за самоопределение (*self-determination movement – SDM*) и сопровождается потенциальной угрозой сецессии. Государство в условиях угрозы сецессии может игнорировать требования *SDM* либо подавлять его или / и проводить реформы-уступки. Эмпирическое исследование воздействия политики государства и других факторов на угрозу сецессии, проведенное методом логистической регрессии на материале 171 политически значимых *SDM*, которые действовали в 77 странах в период с 1991 по 2020 гг., подтверждает теоретические представления, согласно которым на вероятность сильной угрозы сецессии позитивно влияют ресурсы, имеющиеся у *SDM* для осуществления политической мобилизации: этническая идентичность территории и потерянная государственность, благоприятное географическое положение, доступ к власти на региональном уровне, особенно в условиях, когда регион имеет автономию. Вместе с тем существенный эффект имеет и политика государства. В целом реализация государством реформ-уступок снижает вероятность сильной угрозы сецессии, однако, если они сопровождаются подавлением движения со стороны государства, это дает противоположный эффект: соотношение

* **Панов Петр Вячеславович**, доктор политических наук, главный научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Институт гуманитарных исследований УрО РАН (Пермь, Россия), e-mail: panov.petr@gmail.com

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00530, <https://rscf.ru/project/23-18-00530/> (проект «Почему заимствуют неэффективные институты? Управление политико-территориальной гетерогенностью и обеспечение территориальной целостности государства») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

шансов в пользу того, что угроза сецессии будет сильной, возрастает в несколько раз.

Ключевые слова: политико-территориальная гетерогенность; движения за самоопределение; угроза сецессии; уступки; реформы; подавление.

Для цитирования: Панов П.В. «Уступать нельзя подавлять»: выбор государством политики в условиях угрозы сецессии // Политическая наука. – 2025. – № 3. – С. 84–106. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.03.04>

Определенные территориальные границы остаются одним из ключевых атрибутов современных государств как территориальных политий. Однако в рамках этих границ отдельные части государств различаются по социокультурным, историческим, социально-экономическим, географическим характеристикам, и такая территориальная неоднородность может политизироваться, когда возникают политические организации, которые выдвигают политико-территориальные требования и вступают в конфликт с государством.

Политизации территориальной гетерогенности посвящена обширная литература. Похоже, что эта тема неисчерпаема, авторы находят все новые и новые аспекты, операциональные индикаторы, применяют новые техники исследования. Чаще всего работы фокусируются на факторах возникновения политико-территориальных конфликтов [Cederman, Wimmer, Min, 2010], а также их продолжительности [Wucherpfennig et al., 2012], интенсивности, в том числе эскалации [Bartusevičius, Gleditsch, 2019], возобновления уже урегулированных конфликтов [Walter, 2015]. Эти же вопросы ставятся и, условно говоря, в «обратном ключе»: факторы, способствующие прекращению конфликтов, снижению их интенсивности [Cederman, Gleditsch, Wucherpfennig, 2017].

Нельзя не заметить, во-первых, что большинство *large-N* сравнительных исследований акцентируют внимание на «интенсивные», т.е. насильственные / вооруженные конфликты. В значительной мере это объясняется тем, что их намного проще выявить и операционализировать, тем более в распоряжении ученых имеются такие авторитетные базы данных, как, например, *Armed Conflict Dataset (ACD)*¹. И хотя значимые политико-территориальные конфликты отнюдь не всегда достигают вооруженной стадии (достаточно вспомнить случаи Шотландии или Каталонии), мирные / ненасильственные конфликты включаются в исследования значи-

¹ UCDP / PRIO Armed Conflict Dataset. – Режим доступа: <https://ucdp.uu.se/downloads/> (дата посещения: 04.03.2025).

тельно реже [Cunningham, 2014; Chenoweth, Stephan, 2011], поскольку собрать в систематизированном виде информацию по таким конфликтам намного сложнее, а базы данных, включающие мирные конфликты (*Conflict Barometer*, *SDM Dataset*)¹, не столь совершенны.

Во-вторых, исследователи фокусируются преимущественно на этнополитических конфликтах. В большинстве случаев политико-территориальные конфликты действительно имеют этническую составляющую, однако немало и таких примеров, когда этничность² не значима либо отсутствует совсем (Истрия в Хорватии, Гонконг в Китае, Санта-Круз в Боливии и др.). Поэтому достаточно перспективным представляется более широкий подход, где за основу берутся не этнические группы, а движения за самоопределение, в том числе неэтнические [Cunningham, 2014; Sambanis, Germann, Schädel, 2018].

Таким образом, к исследованию политизации территориальной гетерогенности можно приступать как со стороны конфликтов (вычлняя среди них политико-территориальные), так и отталкиваясь от политических акторов, выделяя среди них тех, кто выдвигает политико-территориальные требования. Кроме того, проблема политико-территориальной гетерогенности изучается не только через призму конфликтов как таковых, но и под иными углами зрения: степень радикальности политико-территориальных требований [Sambanis, Milanovic, 2014], сила регионалистских / сепаратистских партий и движений [Brancati, 2007] и т.д. Все эти сюжеты, несомненно, взаимосвязаны, но каждый из них имеет собственные нюансы и грани.

В данной работе предлагается еще один вариант проблематизации вопроса о политизации территориальной гетерогенности –

¹ Conflict Barometer. Datasets. – Режим доступа: <https://hiik.de/data-and-maps/datasets/?lang=en> (дата обращения: 04.03.2025); SDM Dataset. – Режим доступа: <https://web.sas.upenn.edu/pic-lab/about/>; <https://michagermann.github.io/data/sdm/> (дата посещения: 04.03.2025).

² «Этничность» в современных этнополитических исследованиях конвенционально понимается в веберовской традиции как субъективное представление об общем происхождении («common descent», «common origin») независимо от того, на чем основано это представление – на цвете кожи, внешности, языке, религии или иных индикаторах общего происхождения либо их комбинации [Вебер, 2017, с. 72].

через такое явление, как угроза сепаратизма¹. Угроза сепаратизма – это не то же самое, что интенсивность политико-территориального конфликта, поскольку она может быть велика и при относительно низкой его интенсивности. В то же время угроза сепаратизма не тождественна наличию сепаратизма: с одной стороны, слабые сепаратисты могут не представлять реальной угрозы, с другой – угроза сепаратизма может возникнуть и в их отсутствие. Точно так же степень угрозы сепаратизма отнюдь не идентична силе движения за самоопределение, поскольку даже сильное движение может не представлять собой значительной угрозы, если оно не сепаратистское, и наоборот.

Основная задача данного исследования – выявить, как влияет политика государства (в комбинации с другими факторами) на угрозу сепаратизма. В первой части статьи раскрываются понятия угрозы сепаратизма и варианты политики государства в условиях угрозы сепаратизма. Затем представлены эмпирическая база и операциональные индикаторы. В следующей части рассмотрены иные факторы, которые могут влиять на угрозу сепаратизма. В последнем разделе обсуждаются результаты исследования.

Угроза сепаратизма, движения за самоопределение и политика государства

В основу данной работы положен тезис, что об угрозе сепаратизма можно вести речь тогда, когда политизация территориальной гетерогенности приводит к возникновению политически значимого движения за самоопределение (далее *SDM* – *self-determination movement*). Под самоопределением понимается право народов «свободно определять без вмешательства извне свой политический статус»², но в данной работе при выделении *SDM* используются несколько дополнительных критериев. Во-первых, *SDM* – это не просто присутствие в сообществе «настроений» в пользу само-

¹ Концепты «регионализм», «автономизм», «сепаратизм», «сепаратизм» соотносятся в литературе по-разному. В данной работе «сепаратизм» и сепаратизм» используются как синонимы.

² Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата посещения: 04.03.2025).

определения, а наличие политических акторов – организаций, которые выдвигают к государству требования самоопределения и на основе них производят политическую мобилизацию. С точки зрения организационной формы, такими акторами могут быть политические партии, «повстанцы» и «субнациональные органы власти»¹.

Во-вторых, маргинальные организации, выступающие за «самоопределение», вероятно, можно найти практически везде, поэтому имеет смысл выделить политически значимые *SDM*. Значимыми по определению будут те *SDM*, где актором являются «субнациональные органы власти». Политические партии как акторов *SDM* можно считать значимыми, когда они участвуют в правительстве (единолично или в коалиции) на национальном / субнациональном уровне или их наличие влияет на партийную конкуренцию². Повстанцы идентифицируются как значимые акторы *SDM* в том случае, если государство реагирует на их наличие, вступая с ними в вооруженное противостояние (эмпирический индикатор – высокая интенсивность вооруженного конфликта³). Наконец, признаком значимости *SDM* является и такая реакция государства на *SDM*, как проведение политико-институциональных реформ.

В-третьих, поскольку нас интересуют только политико-территориальные конфликты и угроза сецессии, мы рассматриваем лишь те *SDM*, требования которых касаются политического статуса *территории*, где действует *SDM*, исключая движения, чьи требования связаны только с политическим статусом этнической группы (культурно-национальная автономия, официальное признание этнической группы и т.д.). В таком понимании требование самоопределения – отнюдь не обязательно сецессия, возможны и

¹ Выделение последнего варианта обусловлено тем, что в некоторых случаях не партии как акторы *SDM* приходят к власти на субнациональном уровне (это соответствует первому варианту), а непартийные субнациональные власти выдвигают требования самоопределения и занимаются политической мобилизацией.

² За основу здесь взяты правила отделения «релевантных» политических партий от «иррелевантных», сформулированные в классической работе Джованни Сартори [Sartori, 1976, p. 119–130].

³ Здесь и далее высокая интенсивность конфликта понимается как насильственный вооруженный конфликт, который приводит к гибели не менее 25 человек в боевых действиях в течение календарного года. Этот критерий, сформулированный в Armed Conflict Dataset, практически конвенционально используется в литературе. Вместе с тем, в данной работе учитывается, что реакция государства на значимых акторов *SDM* может быть не только в форме вооруженного противостояния, но и в виде тагетированного подавления *SDM* (аресты, преследования лидеров и т.п.).

иные варианты: создание в рамках государства отдельной административно-территориальной единицы (АТЕ), расширение территории уже существующей АТЕ или предоставление ей автономии, расширение полномочий органов публичной власти. В некоторых случаях ключевое требование – сохранение статуса-кво, то есть защита уже имеющейся автономии, когда она оказывается под угрозой (Гонконг в Китае, памирские таджики в Горном Бадахшане, Анжуан на Коморах), или реализация формального автономного статуса на практике, что особенно актуально для автономий в авторитарных режимах (Занзибар в Танзании).

Несмотря на то, что требования *SDM* не сводятся к сепессии, наличие политически значимого *SDM*, на наш взгляд, уже представляет собой угрозу сепессии (как минимум потенциальную). Прежде всего это связано с тем, что государства зачастую интерпретируют самоопределение как сепаратизм, даже если у *SDM* нет сепессиионистских устремлений. Движение маджеси в Непале, например, никогда не заявляло о стремлении к отдельному государству, однако их требование создания отдельного штата расценивается непальскими властями как угроза сепаратизма [Jnawali, 2025]. Такое восприятие особенно характерно для сильно фрагментированных государств, которые опасаются дезинтеграции, тем более грань между сепаратизмом и регионализмом тонкая и вполне проницаемая. Многие исследователи не без оснований рассматривают движения за самоопределение через призму «торга» (*bargaining*) между акторами *SDM* и государством. Как отмечают Э. Дженне и ее коллеги, радикальные требования, в том числе сепессиионистские, нередко выдвигаются как способ добиться от властей умеренных уступок. Однако это не мешает акторам *SDM* при благоприятных условиях снова выдвинуть более жесткие требования [Jenne, Saideman, Lowe, 2007, p. 541].

Кроме того, как и другим общественно-политическим движениям, *SDM* свойственна фракционализация, и в них почти всегда есть группировки, которые выступают с более радикальными, в том числе сепаратистскими требованиями [Cunningham, 2014]. Даже если в данный момент они маргинальны, в определенных обстоятельствах ситуация может измениться, тем более существует немало случаев, когда успех в борьбе за умеренные требования стимулирует выдвигание более радикальных. В Индии, к примеру, многие движения (бодо, гуркхи и др.), получив от государства уступки в виде окружных автономных советов, каждый раз выдвигают новые требования: «Во многих случаях окружные советы были только ступенькой к по-

лучению более высокого политического статуса, такого как союзная территория, а затем и статуса штата» [Bhattacharyya, 2023, p. 113].

Ключевой исследовательский вопрос данной работы – как влияет политика государства в отношении *SDM* на угрозу сепаратизма. Если говорить о политике «в целом», выбор вариантов в условиях угрозы сецессии у государства невелик: 1) согласиться на сецессию, что бывает крайне редко и обычно после того, как исчерпаны иные варианты; 2) игнорировать требования *SDM*; 3) попытаться подавить его; 4) пойти на уступки (компромисс). Две последние опции нередко сочетаются.

Последний вариант (реформы-уступки) представляет собой самые разнообразные «аккомодационные политики». Это и вовлечение различных политических сегментов, в том числе этно-территориальных групп, в осуществление власти на разных уровнях – *power-sharing* (афары в Джибути, курды в Ираке, анжуанцы на Коморах и т.д.), и создание новых субнациональных АТЕ (Нигерия, Индия, Эфиопия и др.), и повышение статуса уже существующих АТЕ (Новая Каледония, Корсика, Шотландия, Уэльс и т.д.), и расширение полномочий в отдельных сферах. В некоторых случаях реформы-уступки имеют универсальный характер, будучи адресованными не отдельному *SDM*, а всем регионам (федерализация в Бельгии, децентрализация в Италии).

Аккомодационные политики привлекают особое внимание исследователей, так как теоретически, начиная с классических работ А. Лейпхарта и Д. Горовица [Лейпхарт, 1997; Horowitz, 1985], предполагается, что они должны позитивно влиять на урегулирование конфликтов, поскольку устраняют основания для недовольства и «обид». Правда, эмпирические исследования конкретных аккомодационных политик показывают, что все не так просто. Г. Браун, к примеру, обнаружил, что в контексте сильной этнической специфики и низкого уровня развития территории автономия скорее усиливает, а не снижает конфликтность [Brown, 2009]. Л.-Э. Цедерман и его коллеги, проанализировав эффекты наделения этнической группы автономией, пришли к выводу, что, хотя это позитивно влияет на предотвращение конфликтов, в условиях уже возникшего конфликта желаемого результата может и не быть, если автономия предоставлена в недостаточном объеме и слишком поздно («*too little, too late*») [Cederman et al., 2015].

Таким образом, эффекты конкретных аккомодационных политик государств зависят от множества факторов, в том числе от требований, которые выдвигают *SDM*, а они весьма разнообразны. В данном

исследовании, и в этом его ограничение, нет амбиции вскрыть эффекты конкретных политик. Реформы-уступки исследуются в совокупности, и задача более скромная – выявить тенденции, связанные с эффектами политических курсов в отношении *SDM* «в целом», в том числе проверить, насколько эмпирически подтверждается теоретическое ожидание, что в условиях угрозы сецессии политика уступок (без учета их содержательного разнообразия) снижает такую угрозу.

Эмпирическая база и дизайн исследования

Опираясь на критерии, обозначенные выше, из всего разнообразия движений за самоопределение были отобраны 171 политически значимое *SDM*, которые действовали в период с 1991 по 2020 гг. в 77 странах¹. Политика государства в отношении *SDM* на протяжении 1991–2020 гг. могла меняться, и для оценки эффектов политики взят период после реформы, если таковая была, а если их было несколько – после последней². При этом следует учесть, что по своей направленности реформы надо разделять на уступки и ограничения, и только первые соответствуют аккомодационной политике государства. Но поскольку политика уступок и подавление могут сочетаться, независимая переменная («политика государства») кодируется дихотомически в пяти вариантах: 1) Реформы-уступки (*Concessions*); 2) Только реформы-уступки (*Only concessions*); 3) Подавление (*Suppress*); 4) Только подавление (*Only Suppress*); 5) Сочетание реформ-уступок и подавления (*Concessions AND Suppress*). В таблице 1 представлена частотность разных вариантов политических курсов государства в отношении *SDM*, в том числе реформ-уступок, которые обнаруживаются в 60% наблюдений.

¹ Для формирования выборки *SDM* были проанализированы различные датасеты, посвященные политизированным этническим группам, движениям за самоопределение, этнополитическим конфликтам и политике государств по управлению этнополитическими конфликтами. В качестве «базового» был взят (как наиболее полный по охвату) *SDM Dataset*, но из-за хронологической ограниченности (до 2012 г.) он был дополнен несколькими случаями из других датасетов: *Conflict Barometer*, *UCDP / PRIO Armed Conflict Dataset*, *Ethnic Power Relations dataset*, База данных зон распространения сецессионизма [Попов, 2012].

² Для исследования отобраны только те реформы, которые связаны с требованиями *SDM* и являются политико-институциональными, то есть предполагают изменение институтов, а не решение конкретных проблем.

Таблица 1

**Варианты политик государства
в отношении *SDM* и степень угрозы сецессии**

Всего	171	100%
Реформы-уступки	102	60%
Только реформы-уступки	61	36%
Подавление	80	47%
Только подавление	20	12%
Сочетание реформ-уступок и подавления	41	24%
Высокий уровень угрозы сецессии	94	55%
Наличие в <i>SDM</i> политически значимых сепаратистов	55	32%
Высокая степень интенсивности конфликта	73	43%

Источник: составлено автором.

Зависимая переменная – угроза сецессии (*Threat sec*). Ее кодировка основывается на том, что наличие политически значимого *SDM* уже является признаком угрозы сецессии, однако уровень / степень угрозы сецессии варьируется. Дихотомически это кодируется как «1» – если уровень угрозы высокий (сильная угроза) – и как «0» – в остальных случаях.

Очевидным индикатором сильной угрозы является наличие в *SDM* политически значимого актора, который открыто выдвигает сецессионистские требования. Политическая значимость сепаратистов определяется по тем же критериям, которые сформулированы для политической значимости *SDM*. Однако в силу сказанного выше этот индикатор недостаточен. Необходимо учитывать, как государство воспринимает требования *SDM*. Найти точные показатели для этого весьма проблематично, поэтому в качестве прокси-индикатора рассматривается интенсивность политико-территориального конфликта: если государство стремится насильственно подавить *SDM*, можно полагать, что оно ощущает высокую степень угрозы. В Узбекистане, к примеру, в 2022 г. власти достаточно жестко подавили протесты против проекта конституции, который лишал Каракалпакстан права выхода из состава государства. Хотя протестующие не выступали за независимость, государство восприняло их действия как угрозу сепаратизма. Следовательно, насильственный характер конфликта является вторым индикатором высокой степени угрозы сецессии¹. Частотность наличия позитивных значений

¹ Дополнительно использованы еще три достаточно очевидных индикатора – потеря центральной властью контроля над данной территорией (включая возникновение де-факто государства, но это лишь один из вариантов потери кон-

индикаторов угрозы сепарации представлена в таблице 1. Примечательно, что только в половине случаев на основе предложенных индикаторов угроза интерпретирована как сильная¹.

Таким образом, мы ожидаем что между значениями независимой и зависимой переменных должна быть обратная связь, т.е. проведение реформ-уступок негативно воздействует на угрозу сепарации. При такой постановке вопроса неизбежно возникает подозрение об эндогенности, поскольку высокий уровень угрозы сепарации может быть одним из стимулов проведения реформ-уступок. Полностью устранить эндогенность вряд ли возможно, но в значительной мере она элиминируется тем, что именно реформа (если она была) является началом периода наблюдения, а степень угрозы сепарации оценивается применительно ко всему периоду (после реформы), и особое внимание при этом обращается на его конец. Кроме того, следует оговориться, что вопрос о факторах, влияющих на эффекты реформ-уступок, в данной работе не ставится; он требует другого исследования, где единицами наблюдения должны быть реформы, а не *SDM*, а независимыми переменными – не политика государства, а факторы, гипотетически влияющие на эффективность реформ.

троля, поэтому точнее говорить о «неконтролируемых территориях» [Себенцов, Колосов, 2012]), проведение на соответствующей территории референдума о независимости, официальное принятие декларации о независимости. Как правило, в этих случаях имеются политически значимые сепарационисты или высокая интенсивность конфликта, но есть исключения. Так, в специальных зонах Кокан и Ва в Мьянме возникли де-факто государства, где у власти стоят акторы *SDM*, но их вполне устраивает текущая ситуация и официально они не выдвигают сепарационистских требований (в Кокане, правда, в 2009 г. мьянманские военные провели успешную операцию, вернув контроль над территорией). Подобная ситуация была и в грузинской Абхазии до 2004 г.

¹ Нельзя не отметить, что иногда *SDM* завершается. Во-первых, в выборке есть 5 случаев сепарации, и это значит, что до того, как это произошло, угроза сепарации была сильной. В этой же логике интерпретируется создание де-факто государства, но лишь в том случае, если оно приобретает устойчивость. Во-вторых, есть более десятка случаев, когда *SDM* прекратилось / потеряло значимость вследствие реформ-уступок. При кодировке степени угрозы все эти случаи отдельно не выделяются, но прекращение *SDM* рассматривается как отсутствие сильной угрозы сепарации (кодировка «0»).

«Другие факторы» и контрольные переменные

Разумеется, на степень угрозы сецессии оказывает влияние не только политика государства в отношении *SDM*. Исследуя ее эффекты, необходимо контролировать другие факторы. Для их выделения представляется уместным обратиться к двум наиболее значимым теоретическим объяснениям возникновения этнополитических конфликтов, которые сложились в данной предметной области. Первое акцентирует внимание на «*grievances*» («обиды»): конфликт возникает в результате того, что этническая (в том числе территориальная) группа чувствует себя ущемленной вследствие неравенства, дискриминации, исключения из политики и т.п. [Gurr, 1993; Cederman, Gleditsch, Buhaug, 2013]. В фокусе второго объяснения – «*greed*» («жадность»): акторы, выступающие от имени некой группы, руководствуясь инструментальными интересами, идут на конфликт с государством, как только представляется такая возможность [Fearon, Laitin, 2003; Collier, Hoeffler, 2004]. В «*greed*-подходе» можно выделить две группы факторов: собственные ресурсы акторов (материальные, организационные, интенсивность групповой идентичности и т.д.) и «окно возможностей», которое открывается, когда у государства снижается способность (*capabilities*) сопротивляться их требованиям вследствие кризисов, смены режима и т.п. [Gledhill, 2018].

Как показали многочисленные исследования, эти объяснительные модели – отнюдь не взаимоисключающие, а хорошо дополняющие друг друга [Lucas, Appel, Prokok, 2022], но для данного исследования более адекватными представляются идеи, вытекающие из *greed*-подхода, поскольку *grievances*-подход нацелен в первую очередь на объяснение возникновения политико-территориальных конфликтов, тогда как в нашем случае они уже возникли, более того – имеет место политически значимое движение, и ключевое значение приобретают не «обиды», а ресурсы и возможности. Поэтому наряду с политикой государства в данное исследование включаются несколько независимых переменных, которые характеризуют различные аспекты соотношения ресурсов между *SDM* и государством.

В первую очередь это этнические характеристики территории, где действует *SDM*. Из 171 *SDM* к этническим (в ряде случаев с оговорками) можно отнести 146, тогда как 25 движений являются чисто территориальными. Поскольку гипотетически этническая идентичность помогает легитимировать идеи самоопределения и способствует политической мобилизации, в анализ включена,

прежде всего, дихотомическая переменная «*SDMethnic*», а для этнических *SDM* рассчитаны доли этнической группы в составе населения страны и территории, где действует *SDM* («*SDMethnic country*») и («*SDMethnic region*»). Так как данные по этнической структуре зачастую не вполне надежны, значения этих переменных ранжированы по шкале от 0 до 10. Кроме того, важным ресурсом для мобилизации может быть степень этнической специфики территории относительно доминирующей в стране этнической группы [Brubaker, 2013], она фиксируется в двух переменных: языковая специфика («*lang spec*») и религиозная («*religion spec*»), которые измерены на порядковом уровне по шкале от 0 до 2.

Наряду с этнической существенное значение для политической мобилизации может иметь историческая специфика территории. М. Германн и Н. Сабанис, к примеру, показывают, что эскалации конфликтов способствуют такие факторы, как утрата территорией собственной государственности, потеря автономии, а также «разделенность» («*stranded*»), когда в результате изменения межгосударственных границ группа, от лица которой действует *SDM*, оказалась за пределами своего родного государства [Germann, Sambanis, 2021]. Здесь, кстати, хорошо видно, как пересекаются «*grievances*» и «*greed*»: историческая специфика оказывается и основанием для «обиды», и «ресурсом» для мобилизации. Для данного исследования использована только потеря государственности («*lost statehood*», закодирована дихотомически) как наиболее сильный параметр исторической специфики.

Далее, вслед за многими исследователями мы полагаем, что значимым ресурсом или / и возможностями для *SDM* является географическое положение территории [Carter, Shaver, Wright, 2019], оно фиксируется в двух дихотомических переменных: изолированность региона от основной части страны – острова, эксклавы («*isolated region*») – и пограничное положение («*border region*»), которые представляются наиболее благоприятными для сепаратизма. Общеизвестно, что и на возникновение, и на интенсивность политико-территориальных конфликтов оказывает влияние наличие в регионе значимых природных ресурсов [Asal et al., 2016]. Опираясь на данные проекта *Global Energy Monitor*¹, для всех единиц наблюдения было дихотомически закодировано наличие / отсутствие запасов нефти и газа («*oil gas region*»).

¹ Global Energy Monitor. – Режим доступа: <https://globalenergymonitor.org/projects/global-oil-gas-extraction-tracker/tracker-map/> (дата посещения: 04.03.2025).

Особое значение среди ресурсов, которыми располагает *SDM*, имеют политико-административные, среди них – наличие у территории, где действует *SDM*, автономии (если эта территория является отдельной АТЕ, что имеет место далеко не всегда¹) и доступ акторов *SDM* к властным позициям. По первому параметру закодирована дихотомическая переменная «*SDMterautonomy*». Также дихотомически закодирован доступ акторов *SDM* к властным позициям на национальном уровне («*GOVnat*»: «1» – если на протяжении 1991–2020 гг. они участвовали в правящей коалиции). Что касается доступа к власти на субнациональном уровне («*GOVsubnat*»), здесь вариативность выше, и требуется порядковая кодировка: «1» – аналогично предыдущему (участие в коалиции); «2» – *SDM* были у власти единолично, но лишь в отдельные периоды; «3» – акторы *SDM* имеют монополию на власть в регионе или явно доминируют.

Наконец, необходимо учесть способности государства противостоять *SDM*. Для этого были использованы значения «индекса государственности» («*Stateness Index*»)². Описательные статистики по всем переменным, характеризующим «другие факторы», представлены в таблице 2.

¹ В настоящее время из 171 *SDM* только 125 действуют на территории, которая является отдельной АТЕ (регионального или субрегионального уровня). В остальных случаях территория *SDM* не имеет четких политико-административных границ.

² *Stateness Index*. – Режим доступа: <https://www.stateness-index.org/en/downloads> (дата посещения: 04.03.2025). Данные взяты за 2022 г., последний в текущей версии датасета (в случаях сепарации – на момент сепарации). Для 3 единиц данные отсутствуют. Индекс принимает значения от 0 до 1, но для анализа он трансформирован в шкалу от 0 до 10. Следует оговориться, что этот индекс, разумеется, включает и такой компонент, как контроль над территорией, а это один из признаков угрозы сепарации. Однако «*State authority over territory*» – лишь один из почти 20 индикаторов, на основании которых рассчитывается *Stateness Index*. Кроме того, высокий уровень угрозы сепарации далеко не всегда сопровождается потерей государством контроля над этой территорией, так что некоторой эндогенностью в данном случае можно пренебречь. Примечательно, что корреляция между *Threat sec* и *Stateness Index* составляет всего 0,2, хотя и является статистически значимой.

Таблица 2

Описательные статистики по «другим факторам»

Описательные статистики по числовым переменным						
Переменная	N	Мин.	Макс.	Среднее	Ст.откл.	
Stateness (ранговая 0-10)	168	1,14	9,19	5,88	1,86	
SDMethnic_country (ранговая 0-10)	167	1	8	1,56	1,15	
SDMethnic_region (ранговая 0-10)	126	1	10	6,50	2,55	
Частоты по категориальным переменным (N=342)						
Переменная	Частота	В %	Переменная	Значение	Частота	В %
SDM_ethnic (1)	146	85	lang_group_spec	0	23	13
lost_statehood (1)	68	40		1	92	54
isolated_region (1)	30	18		2	56	33
border_region (1)	109	64	religion_group_spec	0	92	54
oil_gas_region (1)	42	25		1	23	13
SDMter_aut (1)	91	53		2	56	33
GOV_nat (1)	29	17	GOV_subnat	0	83	49
				1	39	23
				2	9	5
				3	40	23

Источник: составлено автором.

Результаты анализа и обсуждение

Для анализа использована логистическая регрессия, поскольку зависимая переменная дихотомическая. Из-за невозможности рассчитать значения доли этнической группы в населении страны и региона для неэтнических *SDM* сделаны две группы моделей. Первая – для всей выборки *SDM* с переменной «*SDM ethnic*» (результаты представлены в таблице 3). Вторая – для выборки, где только этнические *SDM* – с переменными «*SDMethnic region*», «*lang spec*» и «*religion spec*» (результаты представлены в таблице 4)¹. В первой группе построены 5 моделей для каждого из пяти вариантов независимой переменной, во второй группе – 4 модели, так как распределение *Only suppress* оказалось почти идентичным распределению зависимой переменной *Threat sec*, что делает регрессию бессмысленной.

¹ Между «*SDMethnic country*» и «*SDMethnic region*» обнаруживается достаточно сильная корреляция, поэтому для них сделаны отдельные регрессионные модели, но, поскольку результаты оказались крайне похожими, в таблице 4 представлены только результаты моделей с долей этнической группы в регионе.

Таблица 3

**Регрессионные модели
для выборки с переменной «SDM ethnic»**

Переменные	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5
Concessions (1)	-1,536*** (0,441)				
Only concessions (1)		-2,965*** (0,579)			
Suppress (1)			5,172*** (0,839)		
Only suppress (1)				3,217*** (1,094)	
Concessions AND Suppress (1)					0,921* (0,474)
SDM_ethnic (1)	1,774*** (0,651)	1,840** (0,718)	1,177 (0,755)	1,240** (0,607)	1,104* (0,584)
lost_statehood (1)	0,509 (0,392)	0,267 (0,429)	-0,142 (0,524)	0,478 (0,398)	0,256 (0,383)
isolated_region (1)	1,838*** (0,658)	2,127*** (0,732)	3,005*** (0,904)	1,809*** (0,655)	1,553** (0,618)
border_region (1)	1,586*** (0,471)	1,449*** (0,518)	1,642** (0,661)	1,556*** (0,490)	1,493*** (0,457)
oil_gas_region (1)	0,293 (0,448)	0,412 (0,507)	0,990 (0,637)	0,276 (0,463)	0,374 (0,441)
SDMter_autonomy (1)	1,286*** (0,426)	1,569*** (0,481)	2,171*** (0,640)	1,039*** (0,399)	0,799** (0,383)
GOV_nat (1)	-0,545 (0,550)	-0,579 (0,604)	0,390 (0,695)	-0,400 (0,527)	-0,769 (0,525)
GOV_subnat	0,215 (0,182)	0,427** (0,212)	0,690*** (0,258)	0,218 (0,171)	0,157 (0,168)
stateness	-0,289*** (0,110)	-0,154 (0,123)	-0,065 (0,144)	-0,280*** (0,108)	-0,257** (0,109)
Constant	-1,119 (0,933)	-2,095** (1,047)	-6,474*** (1,601)	-1,764* (0,976)	-1,332 (0,931)
N	168	168	168	168	168
-2 Log-likelihood	178,811	155,829	113,286	175,617	188,525
Pseudo-R ² Nagelkerke	0,361	0,486	0,676	0,379	0,303

Примечание: * $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$.

Источник: составлено автором.

Таблица 4

Регрессионные модели для выборки с этническими SDM

Переменные	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 5
Concessions (1)	-2,258*** (0,669)			
Only concessions (1)		-4,899*** (1,044)		
Suppress (1)			5,320*** (1,086)	
Concessions AND Suppress (1)				1,243** (0,630)
SDMethnic_region_rang	0,341*** (0,112)	0,453*** (0,146)	0,306** (0,143)	0,309*** (0,105)
lang_group_spec	0,951* (0,504)	0,730 (0,574)	0,846 (0,646)	0,754 (0,467)
religion_group_spec	-0,070 (0,290)	-0,342 (0,376)	-0,025 (0,425)	0,094 (0,289)
lost_statehood (1)	1,325** (0,536)	1,152** (0,635)	0,817 (0,710)	1,076** (0,512)
isolated_region (1)	2,239** (0,910)	3,480*** (1,157)	3,233*** (1,177)	1,680* (0,872)
border_region (1)	2,442*** (0,711)	2,784*** (0,897)	2,839*** (0,962)	2,638*** (0,695)
oil_gas_region (1)	0,938 (0,684)	1,920** (0,887)	1,512 (0,992)	0,832 (0,660)
SDMter_autonomy (1)	1,294** (0,614)	1,767** (0,759)	2,302** (0,969)	0,506 (0,554)
GOV_nat (1)	-0,284 (0,718)	-0,545 (0,850)	0,842 (0,957)	-0,881 (0,702)
GOV_subnat	0,370 (0,264)	0,795** (0,343)	0,588* (0,302)	0,347 (0,232)
stateness	-0,396** (0,161)	-0,205 (0,194)	-0,038 (0,213)	-0,248 (0,161)
Constant	-2,871 (1,763)	-4,920** (2,201)	-9,854*** (2,869)	-4,631*** (1,672)
N	126	126	126	126
-2 Log-likelihood	106,682	80,371	71,091	116,630
Pseudo-R2 Nagelkerke	0,537	0,690	0,737	0,471

Примечание: * $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$.

Источник: составлено автором.

Результаты анализа показывают, что безотносительно того, какой вариант основной независимой переменной включен в регрессионную модель (реформы-уступки в целом, только реформы-уступки, подавление, уступки в комбинации с подавлением), некоторые из контрольных переменных (предикторов, характеризующих ресурсы *SDM* и государства), устойчиво демонстрируют статистически значимые значения коэффициентов, соответствующие теоретиче-

ским ожиданиям. Этнический характер *SDM* увеличивает соотношение шансов в пользу сильной угрозы сецессии примерно в 3–6 раз (в зависимости от модели) по сравнению с неэтническими *SDM*, а в моделях с этническими *SDM* позитивно влияет на угрозу сецессии доля этнической группы в населении территории. Существенное влияние оказывают и географические факторы: соотношение шансов в пользу сильной угрозы сецессии в несколько раз выше в изолированных и пограничных регионах. Во второй группе моделей, где только этнические *SDM*, приобретают статистическую значимость коэффициенты потерянной государственности. Предиктор «*oil_gas_region*» также устойчиво демонстрирует позитивное влияние на угрозу сецессии, правда, только в одной модели имеет статистически значимое значение коэффициента. Ресурсы государства, напротив, имеют отрицательные коэффициенты. Хотя не во всех моделях они статистически значимы, в целом увеличение *stateness* на каждый пункт (а это «0,1» в оригинальных значениях индекса) снижает соотношение шансов в пользу сильной угрозы сецессии примерно в 1,5 раза.

Достаточно любопытны результаты, которые демонстрируют предикторы, характеризующие политико-административные ресурсы *SDM*. Увеличение на 1 единицу доступа *SDM* к власти на территории, где оно действует, повышает соотношение шансов в пользу сильной угрозы в 1,5–2 раза. Иначе говоря, доступ к власти, если и снижает «обиды» (в духе *grievances*-подхода), отнюдь не снижает «аппетиты» сецессионистов, скорее наоборот, о чем говорят и многочисленные примеры (Шотландия, Корсика, Республика Сербская в Боснии и Герцеговине, Бугенвиль, Иракский Курдистан и т.д.). Важным ресурсом *SDM* является и сам по себе автономный статус территории, на которой оно действует. Примечательно, что в 83 территориях из 91, которые имеют автономию, она была получена после 1991 г., т.е. в результате реформ, которые анализируются в данном исследовании, и мы снова обнаруживаем, что с точки зрения угрозы сецессии *greed*-подход оказывается более адекватным, чем *grievances*-подход: соотношение шансов в пользу сильной угрозы сецессии в территориях, имеющих автономию, оказывается в несколько раз выше по сравнению с остальными.

Однако главный результат анализа состоит в том, что, в отличие от контрольных переменных, которые демонстрируют одинаковую направленность коэффициентов во всех моделях, предикторы, фиксирующие разные варианты политики государства, обнаруживают противоположное влияние на угрозу сецессии,

причем во всех моделях оно достаточно сильное и статистически значимое. Политика подавления многократно увеличивает, а политика уступок, напротив, в 5–10 раз снижает соотношение шансов в пользу сильной угрозы. Вместе с тем, если мы разделим политику уступок на 2 категории, результаты кардинально меняются. Когда реформы-уступки не сопровождаются подавлением, их воздействие на снижение вероятности высокой угрозы сецессии намного сильнее. Если же реформы-уступки сопровождаются подавлением движения со стороны государства, это, наоборот, положительно влияет на угрозу сецессии: соотношение шансов в пользу того, что угроза сецессии будет сильной, увеличивается в 2,5–3,5 раза.

Значения *Log-likelihood* и *Pseudo-R2 Nagelkerke* позволяют говорить о том, что в целом построенные модели довольно неплохо предсказывают значение зависимой переменной. Немаловажно, что во всех моделях обнаруживается достаточно хорошее распределение правильно предсказанных значений зависимой переменной. Их доля примерно одинакова и для наличия, и для отсутствия сильной угрозы и в разных моделях колеблется от 70% до 90%.

Некоторые наблюдения, однако, сильно отклоняются от предсказанных значений. Наиболее явные девиации, когда, согласно регрессионным моделям, угроза сецессии должна быть сильной, но в реальности этого нет – *SDM* йоруба в Нигерии, синдхов в Пакистане, монов и чинов в Мьянме. Они объясняются специфическими особенностями каждого из движений. К примеру, йоруба, одна из трех основных этнических групп страны, – с исторической государственностью, «собственными» штатами, довольно богатыми природными ресурсами, – начали агитацию за самоопределение в середине 1990-х годов, когда военные отказались признать победу «их кандидата» на президентских выборах, но после того, как в 1999 г. генерал Обасанджо, этнический йоруба, стал президентом, значительная часть лидеров йоруба была кооптирована во власть. С тех пор движение сохраняет значимость, но серьезной угрозы сецессии нет [Harnischfeger, 2018].

Противоположные случаи, когда в реальности наблюдается сильная угроза сецессии, тогда как модели предсказывают иное – Гонконг, хмонги в Лаосе, французская Мартиника и другие, – также объясняются специфической ситуацией. Гонконг, например, не обладает ни этнической спецификой, ни природными ресурсами, ни другими благоприятными для сильного сепаратизма факторами, но причины высокой угрозы сецессии хорошо известны: начиная с середины 2000-х, китайские власти стремятся постепенно отойти

от принципа «одна страна, две системы», который был условием реинтеграции Гонконга в Китай, и это вызывает достаточно мощное движение в защиту автономии региона.

Влияние реформ-уступок на угрозу сепаратизма анализируется в регрессионных моделях без учета их соотношения с требованиями *SDM* и динамики угрозы сепаратизма. Если же проследить динамику, то в 14 случаях на протяжении 1991–2020 гг. степень угрозы сепаратизма снижается, и среди них лишь 2 случая, когда это стало следствием явного подавления *SDM*, тогда как в 12 проводились реформы-уступки, что подтверждает выявленную регрессионным анализом тенденцию. Однако содержательно реформы чаще всего не соответствовали требованиям *SDM*. Самые известные примеры – фактический отказ от «проекта Падания» в Северной Италии в ответ на децентрализацию, согласие индонезийского Ачеха на автономию вместо независимости, отказ от ирредентистских устремлений прешевских албанцев в Сербии. Это свидетельствует о том, что снижение угрозы сепаратизма совсем не обязательно предполагает соответствие реформ притязаниям движения. Требования *SDM* трансформируются в зависимости от контекста, в некоторых случаях радикальные требования выдвигаются как инструмент «торга», а «на самом деле» движение готово к компромиссу.

С другой стороны, в 15 случаях степень угрозы на протяжении 1991–2020 гг. выросла, и среди них есть 2, когда проводились только реформы-уступки. Это еще раз показывает, что реформы-уступки, даже если они не сопровождаются подавлением, отнюдь не всегда снижают высокую степень угрозы. В одних случаях они расцениваются движением как недостаточные («*too little, too late*») – Шотландия, Каталония, Корсика, Бугенвиль, Южный Судан, мадхеси в Непале и т.д. В других случаях, вдохновившись достигнутым успехом, в *SDM* усиливаются / появляются акторы, которые выдвигают более радикальные требования. Черногорская правящая элита, несмотря на реформу 2002 г., которая существенно расширяла ее представительство в союзных органах власти, взяла курс на сепаратизм, чего и добилась спустя всего 4 года. Иными словами, независимо от предыдущих требований, *SDM* могут по-разному реагировать на реформы-уступки. Федерализация Бельгии, к примеру, в Валлонии привела к потере значимости *SDM*, а во Фландрии, наоборот, произошла радикализация движения и выросла поддержка сепаратистской партии «Фламандский интерес».

Таким образом, позитивное влияние реформ-уступок без подавления на снижение угрозы сепаратизма является не более чем тенденцией. Хотя она достаточно ярко выражена, реализуется эта

тенденция отнюдь не всегда, так как вследствие специфических характеристик и самих *SDM*, и политического контекста, в котором они действуют, различные движения по-разному реагируют на реформы-уступки.

* * *

Если в условиях территориальной гетерогенности государства возникает политически значимое движение за самоопределение, это порождает угрозу сецессии. Наряду с другими факторами, на степень этой угрозы существенное влияние оказывает политика государства, которое может подавлять движение, игнорировать его или идти на уступки. Проведенное исследование не дает исчерпывающего объяснения угрозы сецессии. Некоторая часть факторов, очевидно, пропущена, и операциональные индикаторы, на основе которых сделано исследование, не идеальны. Кроме того, каждое *SDM* обладает уникальными характеристиками и действует в специфическом (и меняющемся) контексте, поэтому может по-разному реагировать как на недостаточные уступки, так и на реформы, казалось бы, удовлетворяющие их требования. Иначе говоря, сравнительный анализ способен выявить лишь общие тренды, но данное исследование обнаруживает явные тенденции сохранения, а порой и возникновения высокой угрозы сецессии тогда, когда государство подавляет движение за самоопределение, даже если такое подавление сопровождается реформами-уступками. И наоборот, при реализации реформ-уступок без подавления вероятность высокой угрозы сецессии заметно снижается.

P.V. Panov*

**“Concede not suppress”:
the state's choice of policy in the face of the threat of secession¹**

Abstract. When cross-territorial heterogeneity, typical of modern states, acquire political significance, this gives rise to political-territorial conflicts, self-determination

* **Panov Petr**, Perm Research Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Science (Perm, Russia), e-mail: panov.petr@gmail.com

¹ The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-18-00530, <https://rscf.ru/project/23-18-00530/> (project «Why do inefficient institutions borrow? Management of political and territorial heterogeneity and ensuring territorial integrity State») at the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

movements (SDM) and may be accompanied by the threat of secession. In the context of a threat of secession, the state can ignore the demands of the SDM or suppress it or / and carry out reforms-concessions. The study of the impact of state policy and some other factors on the threat of secession, carried out by logistic regression on the empirical data of 171 politically significant SDMs in 77 countries from 1991 to 2020, confirms theoretical expectations that the likelihood of a strong threat of secession is positively influenced by the resources that SDMs have for political mobilization: ethnic identity of the territory and lost statehood, favorable geographical location, access to power at the regional level, especially in autonomous regions. At the same time, state policy also has a significant effect. In general, the implementation of reforms-concessions reduces the likelihood of a strong threat of secession, but if such reforms are accompanied by suppression of the movement by the state, this has the opposite effect: odds ratio in favor of strong threat of secession increases several times.

Keywords: political-territorial heterogeneity; self-determination movements; threat of secession; concessions; reforms; suppression.

For citation: Panov P.V. “Concede not suppress”: the state's choice of policy in the face of the threat of secession. *Political science (RU)*. 2025, N 3, P. 84–106. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.03.04>

References

- Asal V., Findley M., Piazza J., Walsh J. Political exclusion, oil, and ethnic armed conflict. *Journal of conflict resolution*. 2016, Vol. 60, N 8, P. 1343–1367. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022002714567948>
- Bartusevič H., Gleditsch K. A two-stage approach to civil conflict. *International organization*. 2019, Vol. 73, N 1, P. 225–248. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020818318000425>
- Bhattacharyya H. *Asymmetric federalism in India*. Cham: Palgrave Macmillan, 2023, 220 p.
- Brubaker R. Language, religion and the politics of difference. *Nations and nationalism*. 2013, Vol. 19, N 1, P. 1–20. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1469-8129.2012.00562.x>
- Brancati D. The origins and strengths of regional parties. *British journal of political science*. 2007, Vol. 38, N 1, P. 135–159. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0007123408000070>
- Brown G. Regional autonomy, spatial disparity and ethnoregional protest in contemporary democracies: A panel data analysis, 1985–2003. *Ethnopolitics*. 2009, Vol. 8, N 1, P. 47–66. DOI: <https://doi.org/10.1080/17449050902738739>
- Carter D., Shaver A., Wright A. Places to hide: terrain, ethnicity, and civil conflict. *The journal of politics*. 2019, Vol. 81, N 4, P. 1446–1465. DOI: <https://doi.org/dx.doi.org/10.1086/704597>
- Cederman L.-E., Gleditsch K., Buhaug H. *Inequality, grievances, and civil war*. Cambridge: Cambridge university press, 2013, 259 p.
- Cederman L.-E., Gleditsch K., Wucherpfennig J. Predicting the decline of ethnic civil war: Was Gurr right and for the right reasons. *Journal of peace research*. 2017, Vol. 54, N 2, P. 262–274. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022343316684191>
- Cederman L.-E., Hug S., Schädel A., Wucherpfennig J. Territorial autonomy in the shadow of conflict: Too little, too late? *American political science review*. 2015, Vol. 109, N 2, P. 354–370. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055415000118>

- Cederman L.-E., Wimmer A., Min B. Why do ethnic groups rebel? New data and analysis. *World politics*. 2010, Vol. 62, N 1, P. 87–119. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0043887109990219>
- Chenoweth E., Stephan M. *Why civil resistance works: The strategic logic of nonviolent conflict*. New York: Columbia university press, 2011, 296 p.
- Collier P., Hoeffler A. Greed and grievance in civil war. *Oxford economic papers*. 2004, Vol. 56, N 4, P. 563–595.
- Cunningham K. *Inside the politics of self-determination*. Oxford: Oxford university press, 2014, 304 p.
- Fearon J., Laitin D. Ethnicity, insurgency, and civil war. *American political science review*. 2003, Vol. 97, N 1, P. 75–90.
- Germann M., Sambanis N. Political exclusion, lost autonomy, and escalating conflict over self-determination. *International organization*. 2021, Vol. 75, N 1, P. 178–203. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020818320000557>
- Gledhill J. Disaggregating opportunities: opportunity structures and organisational resources in the study of armed conflict. *Civil wars*. 2018, Vol. 20, N 4, P. 500–528. DOI: <https://doi.org/10.1080/13698249.2018.1525676>
- Gurr T. *Minorities at risk. A global view of ethnopolitical conflict*. Washington: US institute of peace, 1993, 448 p.
- Jenne E., Saideman S., Lowe W. Separatism as a bargaining posture: The role of leverage in minority radicalization. *Journal of peace research*. 2007, Vol. 44, N 5, P. 539–558. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022343307080853>
- Jnawali H.H. Does the interpretation of self-determination affect autonomy struggles in Asia? *Ethnopolitics*. 2025, Vol. 24, N 2, P. 219–240. DOI: <https://doi.org/10.1080/17449057.2023.2287386>
- Harnischfeger J. Biafra and secessionism in Nigeria: An instrument of political bargaining. In: de Vries L., Englebert P., Schomerus M. (eds). *Secessionism in African politics*. Cham: Springer, 2018, P. 329–359. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-90206-7_12
- Horowitz D. *Ethnic groups in conflict*. Berkeley: University of California press, 1985, 697 p.
- Lijphart A. *Democracy in plural societies*. Moscow: Aspect Press, 1997, 287 p. (In Russ.)
- Lucas C., Appel B., Prorok A. Not too distant: grievance, opportunity, and the onset of civil war. *Civil wars*. 2022, Vol. 24, N 4, P. 497–523. DOI: <https://doi.org/10.1080/13698249.2022.2122805>
- Popov F.A. *Geography of secessionism in the modern world*. Moscow: New Chronograph, 2012, 672 p. (In Russ.)
- Sambanis N., Milanovic B. Explaining regional autonomy differences in decentralized countries. *Comparative political studies*. 2014, Vol. 47, N 13, P. 1830–1855. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414013520524>
- Sambanis N., Germann M., Schädel A. SDM: A new data set on self-determination movements with an application to the reputational theory of conflict. *Journal of conflict resolution*. 2018, Vol. 62, N 3, P. 656–686. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022002717735364>
- Sartori G. *Parties and party system: A framework for analysis*. Cambridge: Cambridge university press, 1976, 383 p.
- Sebentsov A.B., Kolosov V.A. Phenomenon of uncontrolled territories in the modern world. *Polis. Political studies*. 2012, N 2, P. 31–46. (In Russ.)

- Walter B. Why bad governance leads to repeat civil war. *Journal of conflict resolution*. 2015, Vol. 59, N 7, P. 1242–1272. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022002714528006>
- Weber M. *Economy and society: An outline of interpretive sociology*. Moscow: HSE Press, 2017, Vol. 2, 447 p. (In Russ.)
- Wucherpfnig J., Metternich N., Cederman L.-E., Gleditsch K. Ethnicity, the state, and the duration of civil war. *World politics*. 2012, Vol. 64, N 1, P. 79–115. DOI: <https://doi.org/10.1017/S004388711100030X>

Литература на русском языке

- Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. – М.: Издательство ВШЭ, 2017. – Т. 2. – 447 с.
- Лейнхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 287 с.
- Попов Ф.А. География сепаратизма в современном мире. – М.: Новый хронограф, 2012. – 672 с.
- Себенцов А.Б., Колосов В.А. Феномен неконтролируемых территорий в современном мире // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 2. – С. 31–46.